B51 —
397

94
1737
B51
397

А. Ѳ. КОНИ.

О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ

и

О СУДѢ СЪ СОСЛОВНЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ.

вступительное и заключительное сообщенія при руководствѣ совѣщаніемъ старшихъ Предсѣдателей и Прокуроровъ судебныхъ палатъ 29—31 декабря 1894 г.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Правительствующаго Сената.
1895

1895
967

B51 397

А. Ѳ. КОНИ.

О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ

и

О СУДѢ СЪ СОСЛОВНЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ.

вступительное и заключительное сообщенія при руководствѣ совѣщаніемъ старшихъ Предсѣдателей и Прокуроровъ судебныхъ палатъ 29—31 декабря 1894 г.

1275/2

Изъ Журнала Министерства Юстиціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Правительствующаго Сената.
1895

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
723635

Печатано съ разрѣшенія Министра Юстиціи.

А. Ѳ. КОНИ.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНІЯ О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ И О СУДѢ СЪ СОСЛОВНЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ

ПРИ РУКОВОДСТВѢ СОВѢЩАНІЕМЪ СТАРШИХЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЕЙ И ПРОКУРОРОВЪ СУДЕБНЫХЪ ПАЛАТЪ 29—31 ДЕКАБРЯ 1894 ГОДА.

I.

Милостивые государи! Принявъ—какъ особую честь—возложенное на меня руководство совѣщаніями вашими по вопросамъ о дѣятельности суда присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями, считаю необходимымъ намѣтить, въ общихъ чертахъ, ходъ нашихъ занятій и пріемы, которыми намъ слѣдовало бы при нихъ руководиться. Мнѣ не зачѣмъ напоминать вамъ порядокъ возникновенія у насъ суда присяжныхъ и указывать въ нашей правовой исторіи слѣды подобныхъ этому суду учрежденій. Порядокъ этотъ вамъ извѣстенъ,—а слѣды теряются въ туманѣ слишкомъ отдаленнаго времени и притомъ еще подлежатъ сильному оспариванію. Несомнѣнно одно: введеніе суда присяжныхъ въ странѣ, только что освобожденной отъ крѣпостнаго права,—было весьма смѣлымъ шагомъ. Крѣпостныя отношенія во всякомъ случаѣ, по существу своему, не могли быть школою для чувства законности ни для крестьянъ, ни для ихъ собственниковъ. А между тѣмъ и тѣ, и другіе,—особливо первые, вчерашніе безправные люди,—призывались въ большомъ количествѣ, чтобы творить судъ по внутреннему убѣжденію совѣсти. Можно было отступить въ смущеніи предъ возможностью полнаго непониманія ими своей задачи и ограничиться какими либо полу-мѣрами, въ видѣ частичныхъ улучшеній стараго суда. Но составители судебныхъ уставовъ съ довѣріемъ отнеслись къ

духовнымъ силамъ и къ здравому смыслу своего народа. Они рѣшились къ только что даннымъ людямъ сельскаго сословія гражданскимъ правамъ присоединить и высокую обязанность быть судьею. Это довѣріе нашло себѣ отзывъ въ великодушномъ сердцѣ Законодателя и смѣлый шагъ былъ сдѣланъ.

Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ и судъ присяжныхъ столь глубоко вошелъ въ рускую жизнь, что, не смотря на единичные и временные случаи, вызывавшіе противъ него нареканія, едва ли можетъ,—серьезно и безпристрастно,—быть возбуждаемъ вопросъ объ его отмѣнѣ. Вамъ извѣстно, что въ разнообразныя схемы предполагаемаго видоизмѣненія судоустройства,—подлежавшія уже вашему обсужденію—судъ присяжныхъ входитъ какъ неизбѣжный элементъ,—и нынѣ вашему разрѣшенію предлагается общій вопросъ не о возможности отмѣны этой формы отправленія уголовнаго правосудія, а лишь о *дѣятельности присяжныхъ* и о томъ, *нужны ли* и *какія именно измѣненія въ этомъ учрежденіи*. Поэтому я буду просить васъ, мм. гг. прежде всего высказать общій взглядъ вашъ на степень *удовлетворительности* дѣятельности присяжныхъ по исполненію лежащей на нихъ задачи. Если эта дѣятельность окажется удовлетворительною вообще, но имѣющею однако недостатки въ нѣкоторыхъ сторонахъ своихъ или въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ, то несомнѣнно, что недостатки эти могутъ корениться или въ *условіяхъ дѣятельности суда присяжныхъ*—или же въ *неправильной его организаціи*. Отсюда вытекаютъ и два слѣдующихъ главныхъ вопроса.

Обращаясь къ первому изъ нихъ—*объ условіяхъ дѣятельности суда присяжныхъ*—мы, прежде всего, встрѣчаемся съ *составомъ присяжныхъ заспдателей*. Онъ зависитъ отъ ценза, личнаго и имущественнаго, лицъ, призываемыхъ въ качествѣ присяжныхъ и отъ организаціи и дѣятельности коммисій, составляющихъ списки этихъ лицъ. Первоначальный цензъ присяжныхъ представлялъ большую неуравнительность. Между цензомъ по движимому и недвижимому имуществу было значительное житейское неравенство. Достаточно было получать 200 р. валоваго дохода или жалованья въ большомъ губернскомъ городѣ, чтобы быть вносимымъ въ списки присяжныхъ засѣдателей. По 16 р. 66 к. заработка въ мѣсяцъ—для жителя большого города—есть признакъ крайней бѣдности, а на службѣ такой размѣръ вознагражденія указываетъ на самыя низшія канцелярскія должности, занимающія которыя лица должны находиться почти въ нуждѣ. Между тѣмъ всякій судъ, не исключая и суда присяжныхъ, долженъ состоять изъ людей независимыхъ отъ нужды и отъ страстей, ею нарождаемыхъ

Закономъ 1887 г. цензъ поднятъ и въ значительной степени уравненъ; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ состава присяжныхъ исключены люди, впавшіе въ крайнюю бѣдность, и домашняя прислуга. Но все ли необходимое въ этомъ отношеніи сдѣлано? Нѣтъ ли въ составѣ присяжныхъ, въ ущербъ его правильной дѣятельности, такихъ представителей служебныхъ профессій, которые, будучи надломлены въ своей жизни и искажены въ трезвости своихъ взглядовъ непрерывнымъ механическимъ трудомъ за кусокъ хлѣба, приносятъ затѣмъ на скамью присяжныхъ болѣзненную односторонность? Затѣмъ, всѣ ли полезные и здоровые элементы населенія введены закономъ въ составъ присяжныхъ? Главный контингентъ присяжныхъ составляютъ крестьяне. Противники суда присяжныхъ иногда съ черезчуръ поспѣшнымъ торжествомъ указываютъ на „подкупъ“ и „лихоимство“ между присяжными изъ крестьянъ. Вы конечно дадите, господа, цѣнныя свѣдѣнія изъ вашего богатаго и многолѣтняго опыта для правильной оцѣнки размѣровъ и значенія этого явленія, но уже и теперь необходимо вызести на справку—*во первыхъ*, что съ 1879 года по 1892 годъ суду Судебныхъ Палатъ было предано Правительствующимъ Сенатомъ, по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 372, 373, 377 и 378 ст. улож. наказ.—80 лицъ, по 20 дѣламъ, изъ коихъ Палатами признаны виновными и осуждены 29, при чемъ 28 изъ нихъ были крестьяне и одинъ дворянинъ, и *во вторыхъ*, что въ теченіе этого времени въ Россіи съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разрѣшено около 208000 дѣлъ (принимая минимальное количество дѣлъ въ годъ—за 16000, хотя напр. въ 1889 году было разрѣшено—19380 дѣлъ, а въ 1891 г.—20100) т. е. дѣйствовало 208000 составовъ присутствія комплектныхъ присяжныхъ. При обсужденіи значенія приведеннаго мною отступленія 28 присяжныхъ засѣдателей изъ крестьянъ отъ своего судейскаго долга, слѣдуетъ обратить вниманіе и на тѣ условія, въ которыя довольно часто бываютъ поставлены присяжные изъ крестьянъ. Я разумѣю крайнюю нужду, въ которой находятся подчасъ такіе присяжные, будучи отвлечены отъ своего хозяйства и осѣдлости въ уѣздный или губернскій городъ, гдѣ приходится проживать по долгу и за все расплачиваться наличными деньгами. Извѣстны случаи, когда присяжные изъ крестьянъ вынуждены бывали, проѣвъ въ городѣ свои послѣднія крохи, наниматься колоть и пилить дрова или просить милостыню. На эту необезпеченность оторваннаго отъ своего гнѣзда крестьянина еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ обратили вниманіе многія земства и стали выдавать крестьянамъ - присяжнымъ небольшое денежное пособіе на время пребыванія ихъ въ городѣ. Но, къ сожалѣнію, въ 1872 году со-

стоялось опредѣленіе I департамента Правительствующаго Сената о воспрещеніи земствамъ такихъ выдачъ, ибо земства могутъ заботиться исключительно о „хозяйственныхъ нуждахъ и пользахъ“. Это формалистическое толкованіе, неправильное и по существу, ибо на земствѣ лежатъ расходы и на народное образованіе, и на народное здравіе, и выдача содержанія мировымъ судьямъ, — оставило присяжныхъ изъ крестьянъ на произволъ ихъ бѣдности и сопряженныхъ съ нею лишеній и искушеній. Поэтому намъ нужно будетъ вглядѣться въ значеніе тяжелыхъ матеріальныхъ условій, въ которыхъ подчасъ находятся крестьяне-присяжные и обсудить вопросъ о томъ—не слѣдуетъ ли разрѣшить выдачу имъ небольшихъ пособій, отрѣшившись отъ теоретическаго взгляда, по которому, вопреки изрѣченію „буква умерщвляетъ—духъ животворитъ“, на основаніи чуждыхъ русской жизни соображеній и побужденій, тяжелая *повинность* присяжныхъ признается ихъ *безвозмезднымъ правомъ*.

Переходя къ дѣятельности коммисій по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, надо замѣтить, что первоначальная организація этихъ коммисій была однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ учрежденія суда присяжныхъ въ нашемъ отечествѣ. Теоретическіе взгляды законодателя на неизбѣжную гармонію во взаимномъ отношеніи разныхъ группъ нашего общества въ дѣлѣ обезпеченія правильнаго состава судей по большинству серьезныхъ уголовныхъ дѣлъ—столкнулись, на практикѣ, съ апатіею и равнодушіемъ этихъ самыхъ группъ ко всему, что не касается непосредственно ихъ матеріальныхъ интересовъ. Отсюда, къ сожалѣнію, столь частое стремленіе уклониться отъ обязанностей присяжнаго со стороны лицъ привилегированныхъ сословій и въ особенности со стороны чиновниковъ. Отсюда обиліе фиктивныхъ свидѣтельствъ о болѣзни и не менѣе фиктивныхъ заявленій начальства о командировкахъ на судѣ,—и крайняя небрежность и умышленная неполнота, сопутствовавшія составленію списковъ присяжныхъ—до суда. Благодаря этому явленію вмѣсто *единснія* представителей общества въ дѣлѣ фактическаго образованія суда присяжныхъ—пришлось встрѣтиться съ полнымъ *разбродомъ* этихъ представителей, такъ что судъ этотъ, по отношенію къ своему личному составу, одно время обратился вмѣсто тщательно оберегаемаго общественнаго *дѣтища* въ какого то *подкидыша*, отъ котораго отворачиваются его случайные воспитатели. Послѣдствіемъ такого положенія было образованіе въ 1880 году, при общемъ собраніи I и кассаціонныхъ департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго М. Н. Любощинскаго, особой коммисіи по вопросу о неисполненіи правилъ избранія

присяжныхъ засѣдателей и внесенія ихъ въ списки. Она собрала обширный и чрезвычайно интересный матеріалъ, изъ котораго оказалось, что въ весьма многихъ мѣстностяхъ Имперіи, коммисіи по составленію списковъ вовсе не повѣряютъ и не дополняютъ общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, или же исполняютъ возложенную на нихъ обязанность столь небрежно, что въ списки оказываются внесенными лица, кои уже потеряли право быть присяжными засѣдателями или давно уже—иногда за долго до введенія суда присяжныхъ—умерли. Равнымъ образомъ коммисіи въ усиленномъ составѣ, о которыхъ говорится въ ст. 99 учр. суд. уст., относились къ своимъ обязанностямъ столь невнимательно и недобросовѣстно, что сдѣлались возможными такія явленія, какъ—призывъ въ присяжные засѣдатели, по нѣскольку лѣтъ сряду, однихъ и тѣхъ же лицъ изъ числа весьма недостаточныхъ крестьянъ, тогда какъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ много лицъ дворянскаго и купеческаго сословія, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ для избранія ихъ въ присяжные засѣдатели, оставалось, вслѣдствіе хлопотъ предъ членами коммисій, свободными отъ исполненія этихъ обязанностей; какъ—появленіе въ числѣ присяжныхъ засѣдателей лицъ, лишенныхъ правъ состоянія, или одержимыхъ тяжкими недугами и даже признанныхъ установленнымъ порядкомъ сумасшедшими, или же внесеніе въ списки лицъ, далеко передшихъ за опредѣленный законами семидесятилѣтній возрастъ, и наконецъ неимѣніе въ комплектѣ присяжныхъ засѣдателей ни одного грамотнаго лица. Предложенныя Сенатскою Коммисіею временныя мѣры имѣли не достаточно успѣшный характеръ. Пришлось приступить къ пересмотру самаго закона объ организаціи Коммисій и въ тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ *очередные списки* ввести представителей судебнаго вѣдомства. Благія послѣдствія болѣе внимательнаго отношенія къ своей задачѣ этихъ Коммисій, кажется, стоятъ внѣ сомнѣній, но законъ 1887 года не коснулся составленія *общихъ списковъ*, совершаемаго, повидимому, и донынѣ безъ надлежащей всесторонности и вниманія къ равномѣрному призыву всѣхъ, обязанныхъ быть присяжными засѣдателями.

Такимъ образомъ *первый вопросъ*, подлежащій обсужденію совѣщанія, сводится къ тому—необходимы ли дальнѣйшія улучшенія въ составленіи общихъ и очередныхъ списковъ и возможно ли дальнѣйшее поднятіе уровня состава присяжныхъ засѣдателей привлеченіемъ въ него новыхъ лицъ, ограниченіемъ случаевъ уклоненія отъ участія въ засѣданіяхъ чиновниковъ, подъ предлогомъ служебныхъ командировокъ или болѣзни, и устраненіемъ матеріальныхъ затрудненій, испытываемыхъ нѣкоторыми присяжными засѣдателями при исполненіи ими ихъ обязанностей внѣ постояннаго ихъ мѣста жительства?

Второй вопросъ изъ области условій дѣятельности присяжныхъ касается *подсудности*. Первые годы существованія этого суда—онъ былъ завалепъ дѣлами о кражахъ, изъятыхъ затѣмъ изъ его вѣдѣнія закономъ 1882 года. Эти дѣла обременяли и судебныхъ слѣдователей. Отсюда медленность въ ихъ производствѣ и, какъ результатъ его, долгое содержаніе подъ стражею обвиняемыхъ. Поставленное на судѣ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ совершенія преступленія, дѣло выцвѣтало въ своей живой обстановкѣ,—присяжные находили, что въ сущности Слѣдователь уже достаточно „наказалъ“ подсудимаго и часто оправдывали послѣдняго. Необходимо было серьезно и трезво взглянуть на дилемму: или строгая кара, которою угрожаетъ не всегда прилагаемый законъ, или дѣйствительная репрессія, хотя и съ меньшею карою. Изъятіе у присяжныхъ дѣлъ о нѣкоторыхъ кражахъ, совершенное закономъ 1882 года, принесло несомпѣнно полезные результаты и значительно сократило число оправдательныхъ приговоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ долгій опытъ обнаружилъ, что присяжнымъ чуждо понятіе о преступленіяхъ противъ *системы*, въ которыхъ, съ одной стороны, совершенно отсутствуетъ лично, прямо или косвенно потерпѣвшій, а съ другой—бытовыя условія, вызвавшія очень часто нарушенія установленныхъ правилъ возбуждаютъ живое состраданіе къ обвиняемому. Поэтому по преступленіямъ противъ паспортной системы, сознаніе устарѣлости и напрасной тягости которой выразилось въ образованіи ряда коммисій, завершившемся новымъ закономъ о паспортахъ, присяжные почти всегда выпосили оправдательные приговоры. „Коррекціонализація“ этихъ преступленій, совершенная въ 1885 году, освободила присяжныхъ отъ дѣлъ, смущавшихъ ихъ совѣсть. Нынѣ возникаетъ вопросъ—не слѣдуетъ ли путемъ коррекціонализаціи изъять изъ вѣдѣнія присяжныхъ еще какія либо дѣла, характеръ коихъ не соотвѣтствуетъ сложному аппарату этого суда и его отношенію къ понятію о преступленіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется ли желательнымъ вернуть на разсмотрѣніе этого суда нѣкоторыя изъ дѣяній, изъятыхъ изъ него въ 1889 году при окончательномъ начертаніи ст. 201[1] уст. угол. суд. съ ея широкою и пестрою по своимъ основаніямъ безприсяжною подсудностью?

Затѣмъ, видное мѣсто среди условій дѣятельности присяжныхъ, играетъ самое *производство дѣла на судѣ*. Въ немъ встрѣчаются процессуальныя, бытовыя и практическія неудобства, давно уже обращавшія на себя вниманіе юристовъ, относившихся къ этой формѣ суда прямодушно и безъ предвзятой односторонности. Сюда относится прежде всего сокрытіе отъ присяжныхъ того, что не только можетъ

но, казалось бы, должно быть имъ извѣстно для облегченія всесторонняго и сознательнаго исполненія ими своей задачи. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь воспрещеніе сторонамъ и даже предсѣдателю упоминать о нормальномъ наказаніи, слѣдующемъ подсудимому по закону. Выводимое изъ смысла 746 ст. уст. угол. суд., запрещеніе это считалось долгое время столь существеннымъ, что нарушеніе его всегда влекло за собою безусловную отмѣну приговора, если только, какъ выразился Сенатъ въ рѣшеніи 1876 года, по дѣлу Меринова, протоколомъ суда не было удостовѣрено, что предсѣдатель принялъ дѣйствительно мѣры для устраненія вреднаго вліянія на присяжныхъ сдѣланнаго предъ ними заявленія о наказаніи. Въ послѣдніе годы Сенатъ такія заявленія пересталъ считать существеннымъ поводомъ для отмѣны рѣшенія, но тѣмъ не менѣе всетаки долженъ считать ихъ нарушеніемъ. Французская кассаціонная практика относительно 335, 342 и 363 ст. Code d'instruction criminelle признаетъ, по рѣшеніямъ 1840 и 1846 годовъ, что обвинитель „peut faire connaitre aux jurés les conséquences légales de leur décision“ и что невоспрепятствованіе предсѣдателемъ защитнику говорить о наказаніи не влечетъ кассаціи приговора. По мнѣнію виднѣйшихъ французскихъ процессуалистовъ, въ дѣлѣ французскаго судоговоренія ссылка на наказаніе дозволительна, а подлежитъ пресѣченію лишь критика карательныхъ опредѣленій закона. Германскій уставъ угол. судопр. хранитъ въ этомъ отношеніи молчаніе. Практическія послѣдствія умолчанія о могущей ожидать подсудимаго карѣ однако болѣе, чѣмъ не желательны. По обычнымъ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію присяжныхъ,—они узнаютъ о наказаніи въ самомъ началѣ сессіи, выслушавъ одну или двѣ резолюціи суда,—а по дѣламъ сравнительно рѣдкимъ они вводятся въ заблужденіе или неожиданными и неопредѣленными намеками сторонъ „на тундры сѣвера“, „ледяную сибирскую ночь“, „многолѣтнюю тяжкую работу“ и т. п., приберегаемыми къ концу рѣчи, причемъ на остановку со стороны Предсѣдателя отвѣчаютъ обыкновенно „я кончилъ!“—или же неправильными объясненіями самозванныхъ законовѣдовъ, попавшихъ въ составъ комплекта присяжныхъ. Практика указываетъ на дѣла, гдѣ подсудимый обвинялся въ преступленіи не совсѣмъ обычномъ, хотя и влекущемъ далеко не суровое наказаніе (напр. шантажъ, подводимый при настоящемъ безпомощномъ состояніи уложенія подъ покушеніе на мошенничество) и, не смотря на явныя доказательства виновности и даже собственное сознаніе, выслушивалъ, не безъ удивленія, оправдательный приговоръ, явившійся слѣдствіемъ ошибочнаго убѣжденія присяжныхъ, что ему, вмѣсто умѣреннаго исправительнаго—грозитъ тяжкое уголов-

ное наказаніе, убѣжденіе, предусмотрѣть и устранить которое предсѣдатель—и самъ не имѣющій права говорить о наказаніи—былъ лишенъ возможности. Такое положеніе не можетъ быть признано удовлетворяющимъ требованіямъ правосудія и едва ли можно найти серьезныя основанія для удержанія въ законѣ запрещенія упоминать о наказаніи особливо безъ критики налагающаго его закона.—Излишне перечислять всѣ другія неудобства, вызываемыя напрасною условностью производства дѣла. Часть ихъ уже устранена. Сокращенъ чрезмѣрный отводъ присяжныхъ, дававшій поводъ къ искусственному подбору состава—то преимущественно интеллигентнаго, то простаго и непосредственнаго, смотря по интересамъ и цѣлямъ отводящаго; поставлена въ настоящіе, свойственные ея святому значенію размѣры присяга засѣдателей. Наконецъ, всего мѣсяцъ назадъ состоялось руководящее рѣшеніе угол. касс. деп, по дѣлу Никитина, коимъ Сенатъ окончательно и уже безъ всякихъ колебаній высказался за право сторонъ ссылаться на объясненія подсудимаго, данныя на предварительномъ слѣдствіи и занесенныя затѣмъ въ обвинительный актъ. Желательно было бы знать мнѣніе участниковъ настоящаго совѣщанія: слѣдуетъ ли ограничиться этимъ или возможно идти далѣе и противопоставить праву подсудимаго не давать объясненій на судѣ—право читать его показанія, данныя добровольно и непринужденно при предварительномъ слѣдствій, при допросѣ его въ качествѣ обвиняемаго? Нельзя не указать также на то, что при точномъ выполненіи указаній 626, 627 и 687 ст. уст. угол. суд. широкое начало устности, выраженное въ 625 ст. того же устава, въ сильной степени умаляется необходимостью читать, въ каждомъ сложномъ по обстановкѣ или по преступленію дѣлу, массу документовъ, сущность содержанія коихъ тонетъ для присяжныхъ въ монотонномъ и не всегда достаточно оттѣненномъ чтеніи. Практика допускаетъ иногда—и то не вездѣ—изложеніе сторонами того, что подлежало бы прочтенію при условіи взаимнаго согласія и взаимныхъ поправокъ возможныхъ погрѣшностей. Но это лишь терпимо, а не узаконено—и достаточно незнанія одною изъ сторонъ дѣла во всей подробности, чтобы она потребовала болѣе для нея удобнаго и менѣе отвѣтственнаго чтенія протоколовъ. То же самое относится и до ссылокъ на обширныя письменныя и вещественныя доказательства. Не было ли бы болѣе цѣлесообразнымъ и согласнымъ съ началомъ устности, чтобы всѣ эти протоколы читались лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда сторона, требующая прочтенія, не признаетъ себя готовой и умѣлой для словеснаго изложенія сущности приводимаго ею оформленнаго доказательства или когда судъ или присяжные потребуютъ прочтенія?

Скрывая отъ присяжныхъ такія данныя, которыя могутъ однако тревожить ихъ мысль, направленную на знаніе всей правды о дѣлѣ и по дѣлу, и утомляя ихъ безплоднымъ напряженіемъ вниманія для уловленія смысла читаемаго, мы не даемъ имъ въ руки никакихъ документовъ изъ производства и требуемъ, чтобы внѣшнее очертаніе нѣкоторыхъ предметовъ запечатлѣлось съ особою силою въ ихъ памяти. На основаніи 805 ст. уст. угол. суд. имъ не даются, при уходѣ ихъ въ совѣщательную комнату, ни планы мѣстности, ни вещественныя доказательства, ни признаваемые подложными документы и т. д., хотя ихъ и предупреждаютъ о правѣ вернуться въ залу въ случаѣ необходимости выясненія какого либо обстоятельства въ дѣлѣ. Но это возвращеніе встрѣчаетъ много затрудненій и на практикѣ рѣдко осуществляется. Поэтому возникаетъ самъ собою вопросъ о томъ, не было ли бы полезнѣе и проще давать присяжнымъ съ собою всѣ тѣ акты изъ дѣла, упоминаемые въ 687 ст., и тѣ вещественныя доказательства, которые они пожелаютъ имѣть при своихъ совѣщаніяхъ и относительно которыхъ они уже выслушали надлежащія разъясненія сторонъ, свѣдущихъ людей и суда.

Статья 675 уст. угол. суд. получила чрезвычайное развитіе на практикѣ, вслѣдствіе чего засѣдатели, призываемые къ разрѣшенію, по свободному внутреннему убѣжденію, вопроса о винѣ и невиновности подсудимаго, опутаны массою тягостныхъ и подчасъ непужныхъ житейскихъ стѣсненій, пропикнутыхъ извѣстною долею недовѣрія къ нимъ и даже къ судебному персоналу, входящему съ ними въ соприкосновеніе, и не имѣющихъ даже прочной основы въ практикѣ. Сенатъ, пробовавшій урегулировать пребываніе присяжныхъ засѣдателей въ судѣ, самъ не былъ достаточно устойчивъ въ своихъ взглядахъ. Сначала для безусловнаго пребыванія присяжныхъ въ судѣ, безъ всякаго увольненія домой, было провозглашено начало *важности обстоятельствъ дѣла*,—потомъ принятъ былъ внѣшній признакъ—*уголовное наказаніе*, грозящее подсудимому,—затѣмъ была признана, безотносительно къ ряду наказаній, допустимость отпуска присяжныхъ домой при полной для нихъ невозможности оставаться въ зданіи суда и, наконецъ, въ циркулярномъ указѣ 1878 г. „ни подъ какимъ видомъ“ не дозволено отпускать присяжныхъ по дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія. Одно время нарушеніемъ 675 ст. уст. угол. суд. считались даже прогулки присяжныхъ вокругъ зданія суда, причемъ имъ предоставлялась *для отдыха* зала засѣданій, тогда какъ они послѣ долгаго сидѣнья въ плохо вентилируемыхъ и наполненныхъ народомъ помѣщеніяхъ нуждались, конечно, не въ физическомъ отдыхѣ,

а въ движеніи. Въ виду всего этого получился рядъ условій, конечно дурно отражающихся на присяжныхъ, особливо въ большихъ и продолжительныхъ процессахъ, гдѣ душевное спокойствіе ихъ нарушается тревожною заботою о томъ, что дѣлается „дома“, или на заводѣ, въ лавкѣ, въ мастерской.... и гдѣ плохія гигіеническія и дорогія кулинарныя условія соединяются съ неудобствами ночлега въ насильственномъ сообществѣ чуждыхъ лицъ и съ отсутствіемъ освѣжающихъ впечатлѣній,—причемъ всякій разговоръ председателя съ присяжными, хотя бы только относительно ихъ обѣда, можетъ, согласно рѣшенію 1876 г. по д. Фридмана, влечь за собою ломку всего ихъ напряженнаго и многодневнаго труда. Поэтому представляется необходимымъ обсудить, допустима ли и нужна ли въ этомъ отношеніи какая либо регламентація со стороны закона и его толкователя, Сената,—или же разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ пребываніемъ присяжныхъ въ зданіи суда, должно быть предоставлено исключительно усмотрѣнію, опыту и такту пользующагося полнымъ довѣріемъ закона председателя?

Къ той же области условій дѣятельности присяжныхъ на судѣ относятся указанія на нѣкоторыя отступленія въ преніяхъ сторонъ отъ правилъ и границъ, установленныхъ 611, 739 и 745 ст. уст. угол. суд. и на неправильность предъявляемыхъ предъ ними обвиненій. Въ первомъ отношеніи кассаціонная практика послѣдняго десятилѣтія дала столько внушительныхъ и всесторонпихъ разъясненій обязанностей председателя по пресѣченію злоупотребленій формою и содержаніемъ судоговоренія, что едва ли нужно идти далѣе по этому пути, тѣмъ болѣе что выходъ за предѣлы, намѣченные проведенными статьями, встрѣчается все рѣже и рѣже. Во второмъ отношеніи нельзя не отмѣтить *постановку однихъ обвиненій вмѣсто другихъ* и придачу данпымъ, долженствующимъ служить предметомъ *отдѣльныхъ самостоятельныхъ обвиненій*,—значенія простыхъ уликъ или доказательствъ по другому обвиненію. Неудовлетворительность опредѣленій нашего уложенія, отставшаго отъ новыхъ проявленій преступности, не предусматривающаго прямо цѣлаго ряда ставшихъ обычными преступныхъ дѣяній (шантажъ, многія преступленія противъ нравственности, разные виды фальсификацій и т. п.) и дающаго разнородныя опредѣленія одному и тому же по существу дѣянію (напр. по подлогу частному и служебному),—слишкомъ общеизвѣстна. Но уложеніе о наказаніяхъ доживаетъ свои дни и грядущее на его смѣну уголовное уложеніе безъ сомнѣнія увѣчуетъ въ этомъ отношеніи дѣятельность присяжныхъ, которымъ нынѣ не всегда понятна причина, почему имъ

приходится имѣть дѣло повидимому не съ тѣмъ преступленіемъ, въ которомъ виновенъ подсудимый. Правильная и вдумчивая дѣятельность прокурорскаго надзора можетъ и должна безъ сомнѣнія устранить употребленіе обвиненій какъ доказательствъ, по большей части вредное по своимъ результатамъ для правосудія, какъ тому не мало представляетъ примѣровъ наша практика. Достаточно указать, напр., на извѣстное дѣло Маргариты Жюжанъ, обвинявшейся въ отравленіи своего воспитанника, 15-лѣтняго гимназиста. Несомнѣнное и систематическое половое развращеніе ею этого отрока было выставлено не какъ самостоятельное преступленіе, а лишь какъ мотивъ къ совершенно недоказанному предумышленному отравленію и, не смотря на талантливыя усилія обвинителя, присяжные вынесли оправдательный приговоръ, не имѣя возможности сказать неизбѣжное слово осужденія по вполнѣ доказанному преступленію, предусмотрѣнному въ 993 ст. уложенія.

Рядомъ со всѣми вопросами, вытекающими изъ изложенныхъ мною бѣглыхъ замѣчаній, возникаютъ два существенныхъ вопроса объ условіяхъ *постановленія присяжными своего рѣшенія*. Къ этимъ условіямъ относятся: постановка вопросовъ и участіе въ ней присяжныхъ,— содержаніе и мѣсто руководящаго напутствія предсѣдателя присяжнымъ,—способъ подачи и счета голосовъ при постановленіи присяжными своего рѣшенія и, наконецъ, образъ дѣйствій суда при единогласномъ несогласіи его присутствія съ состоявшимся рѣшеніемъ присяжныхъ.

Постановка вопросовъ является одною изъ труднѣйшихъ задачъ суда, усложненною не всегда послѣдовательною и удачною кассаціонною практикою относительно разграниченія „юридическихъ опредѣленій“ отъ „общепринятыхъ выраженій“ и требованіемъ фактическаго описанія состава преступленія, вслѣдствіе чего нерѣдко суды, *не имѣя времени* ставить вопросы кратко, излагаютъ ихъ съ чрезвычайною подробностью, въ которой присяжнымъ становится трудно отдѣлить существенное отъ несущественнаго. Не разъ уже заявлялось о желательности упрощенія постановки вопросовъ,— о допущеніи большей широты и свободы въ ихъ редакціи. Не разъ указывалось и на англійскій порядокъ, въ силу котораго присяжные лишь отвѣчаютъ утвердительно или отрицательно на заключительный пунктъ обвинительнаго акта, безъ всякой постановки вопросовъ, созданной и развитой французскимъ процессомъ. Совѣщаніе ваше конечно обратитъ вниманіе на этотъ важный вопросъ и выскажется также о практическихъ результатахъ недавно установленнаго права присяжныхъ участвовать въ

постановкѣ вопросовъ и о томъ, вездѣ ли они пользуются этимъ правомъ и, главное, поставляются ли они объ немъ въ извѣстность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ о томъ, не должно ли руководящее напутствіе предсѣдателя предшествовать, по старому французскому образцу, постановкѣ вопросовъ для того, чтобы они являлись его логическимъ и прямымъ послѣдствіемъ. Въ этомъ отношеніи представляетъ значительную особенность новый, еще далекій впрочемъ отъ осуществленія проектъ реформы итальянскаго судопроизводства, по которому вопросы должны ставиться даже до преній сторонъ, создавая этимъ самымъ твердыя границы и строго очерченную тему для этихъ преній. И содержаніе напутствія подастъ поводъ къ разнымъ мнѣніямъ. Хотя въ рѣшеніяхъ по дѣламъ—Саратовско-Симбирскаго банка и почтоваго чиновника Кетхудова Правит. Сенатъ и далъ уже весьма подробныя указанія на содержаніе и значеніе напутствія, но тѣмъ не менѣе не излишне напомнить, что Германія знаетъ напутствіе лишь какъ объясненіе правовой стороны дѣла (Rechtsbelehrung), Италія исключительно какъ сжатое изложеніе и оцѣнку фактической стороны его, а Франція допускала и то и другое,—и что при единогласіи въ томъ отношеніи, что предсѣдатель не долженъ обнаруживать своего мнѣнія о винѣ или невиновности подсудимаго, юристы-практики существенно расходятся во взглядахъ на признаніе за предсѣдателями права и даже обязанности оцѣнивать отдѣльныя доказательства и цѣлыя группы ихъ и, слѣдовательно, высказывать свое о нихъ мнѣніе.

И западно-европейская, и наша жизнь не разъ выдвигали вопросъ о *числѣ присяжныхъ*, нужномъ для рѣшенія уголовнаго дѣла. Являлось предположеніе сократить ихъ до 9 и даже до семи, но старое, привычное и традиціонное число 12 осталось до сихъ поръ непоколебимымъ. Быть можетъ и въ вашемъ совѣщаніи возникнетъ такой вопросъ, особливо если вы остановитесь на возможности учрежденія спеціальныхъ присяжныхъ съ повышеннымъ цензомъ. Съ числомъ присяжныхъ связано и исчисленіе ихъ голосовъ для признанія рѣшенія состоявшимся въ томъ или другомъ смыслѣ. Для признанія виновности въ Англіи требуется единогласіе, въ Германіи $^2/_3$ голосовъ, у насъ абсолютное большинство, противъ котораго въ пользу $^2/_3$ раздавались иногда возраженія въ печати. Совѣщаніе укажетъ, представляется ли практическая необходимость въ чемъ либо измѣнять нашу систему. Въ послѣднее время и въ практикѣ, и въ литературѣ нашей (напр., въ статьѣ г. А. Дукмасова „Судъ и Жизнь“) былъ затронутъ весьма важный вопросъ о введеніи при совѣщаніи присяжныхъ засѣдателей открытой подачи голосовъ въ видѣ отмѣтки каждымъ присяжнымъ

или старшиною ихъ поданныхъ ими голосовъ на пріобщаемомъ къ дѣлу спискѣ засѣдателей. Открытая подача голосовъ въ силу необходимости единогласія существуетъ въ Англіи;—во Франціи она существовала до 1835 года, когда была отмѣнена изъ опасенія нравственнаго давленія на присяжныхъ и мщенія имъ по политическимъ дѣламъ. Противникомъ тайны совѣщанія присяжныхъ выступилъ, между прочимъ, знаменитый Миттермайеръ, находившій, что сознаніе присяжными того, что мнѣніе каждаго изъ нихъ будетъ извѣстно, должно служить школою нравственной ихъ отвѣтственности предъ собою и предъ обществомъ—и придавать особую глубину и жизненность ихъ совѣщаніямъ. Возможность безслѣдной подачи голоса въ связи съ абсолютнымъ большинствомъ обращаетъ приговоры присяжныхъ, по ироническому замѣчанію одного изъ нашихъ криминалистовъ, въ результатъ не обсужденія дѣла, а баллотировки.

Вамъ придется вглядѣться въ этотъ серьезный вопросъ поближе, въ связи съ весьма важными по отношенію къ нему бытовыми и общественными условіями нашими, въ которыхъ надо почерпнуть указанія на то, утратили ли нынѣ свои основанія соображенія составителей судебныхъ уставовъ, побудившія ихъ начертать 677 ст. уст. угол. суд. и ввести взысканіе за оглашеніе присяжными тайны ихъ совѣщаній.

Наконецъ, въ прошломъ году былъ выдвинутъ оффиціальнымъ путемъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ качествѣ корректива для представляющихся неправильными оправдательныхъ приговоровъ, установить по отношенію къ нимъ за судьями то же право, которое они имѣютъ по 818 ст. уст. угол. суд. относительно приговоровъ обвинительныхъ. Вопросъ этотъ обсуждался въ особыхъ совѣщаніяхъ при Государственномъ Совѣтѣ и въ угол. касс. деп. Сената, но окончательнаго разрѣшенія не получилъ. По существу своему порядокъ этотъ, вводящій совершенно новое начало въ нашъ уголовный процессъ, заслуживаетъ особо внимательнаго разсмотрѣнія. Сторонники его утверждаютъ, что если судьи могутъ по единогласному убѣжденію совѣсти вмѣнить въ ничто обвинительное рѣшеніе присяжныхъ, представляющееся имъ неправосуднымъ, то нѣтъ никакихъ логическихъ основаній отрицать за ними такое же право и по отношенію къ оправдательному приговору. Противники этого порядка, признавая, что во всѣ времена осужденіе невиновнаго представлялось явленіемъ, допускающимъ для своего исправленія исключительныя мѣры, находятъ, что предоставленіе суду права, указаннаго въ 818 ст. уст. угол. суд. по отношенію къ приговорамъ обоего рода,—въ сущности выпудитъ, по со-

ображеніямъ многообразнаго свойства, судъ коронный постоянно становиться на мѣсто суда присяжныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вопреки формальнымъ даннымъ для обвиненія послѣдними будетъ произнесенъ оправдательный приговоръ. По ихъ мнѣнію отъ такого, всегда замедляющаго производство вторженія одного суда въ область другаго—устойчивость суда вообще потеряетъ, а истинное правосудіе едва ли многое выиграетъ. Давнее знакомство гг. членовъ настоящаго совѣщанія съ дѣятельностью суда присяжныхъ дастъ, безъ сомнѣнія, прочный матеріалъ для сужденія о цѣлесообразности и практическихъ послѣдствіяхъ такого примѣненія ст. 818 *наоборотъ*. Наконецъ, быть можетъ, совѣщаніе найдетъ необходимымъ высказаться — *во первыхъ* относительно продолжительности сессій съ присяжными засѣдателями и *во вторыхъ* относительно желательности и удобства примѣненія у насъ порядка, изображеннаго въ § 286 устава угол. судопр. Германской имперіи, въ силу коего, если въ одинъ и тотъ же день подлежатъ производству нѣсколько дѣлъ, то избранный для одного изъ нихъ составъ присяжныхъ остается и для слѣдующихъ дѣлъ, если подсудимые и прокуратура, до приведенія засѣдателей къ присягѣ, заявятъ свое на это согласіе.

Переходя ко второму основному вопросу—*о недостаткахъ въ организаціи суда присяжныхъ*—надлежитъ замѣтить, что имъ обыкновенно приписывается та слабая уголовная репрессія, которая проявляется въ очень частыхъ, будто бы, оправдательныхъ приговорахъ. Быть можетъ внимательное разсмотрѣніе условій дѣятельности этого суда укажетъ, что въ нихъ, а не въ организаціи кроются хотя и слабыя, но поправимыя стороны этого учрежденія,—но, во всякомъ случаѣ, необходимо имѣть въ виду, что заявленія о слабой репрессіи суда присяжныхъ представляются въ значительной мѣрѣ преувеличенными. Съ 1883 года начинается постепенное, но неуклонное *увеличеніе* количества обвинительныхъ приговоровъ, постановляемыхъ *присяжными*. Въ 1883 году для всей Россіи приговоры эти представляли 56% всего числа,—въ 1889 г. они уже составляли 63%, въ 1890 г.—66% и въ 1891 году (послѣднемъ, за который обнародованъ сводъ статистическихъ свѣдѣній) тоже 66%. Обвинительные приговоры *окружныхъ судовъ* безъ участія присяжныхъ засѣдателей обнаруживаютъ, напротивъ, наклонность къ уменьшенію въ своемъ количествѣ на счетъ приговоровъ оправдательныхъ. Эта наклонность начала проявляться съ 1886 года, когда число обвинительныхъ приговоровъ выразилось цифрою 76%,—въ 1889 году ихъ было уже 74½%, въ 1890 году—тоже 74½%, а въ 1891 году лишь 73%. Дѣятельность *судебныхъ палатъ съ уча-*

стіемъ сословныхъ представителей являетъ бо́льшія колебанія. Такъ въ 1889 году общее число обвинительныхъ приговоровъ въ этой области суда выразилось цифрою 66%, въ 1890 года—70%, а въ 1891 году 68%. Такимъ образомъ среднему числу такихъ приговоровъ въ палатахъ, опредѣляемому 68% въ годъ, соотвѣтствуетъ 65% въ судѣ присяжныхъ. Разница не особенно велика, особливо если принять во вниманіе спеціальный характеръ и важность подсудныхъ Палатѣ дѣлъ. Окружные суды безъ присяжныхъ отличаются несомнѣнно большею репрессіею, имѣющею однако наклонность къ уменьшенію, причемъ не надо упускать изъ виду, что преступленія, подсудныя этимъ судамъ по большей части формальнаго свойства, т. е. такія, гдѣ ни о событіи преступленія, ни о внутренней его сторонѣ почти не возникаетъ ни спора, ни сомнѣнія.

Въ связи съ этими двумя главными вопросами—*объ условіяхъ* и объ *организаціи*—находится и вопросъ о правильности и цѣлесообразности устройства нынѣ существующихъ *присутствій судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей*. Учрежденіе сословныхъ представителей, введенное судебными уставами 20 ноября 1864 года лишь для государственныхъ преступленій, подлежавшихъ суду Палаты (ст. 1032, 1051 и 1052 уст. угол. суд.), причемъ эти представители названы закономъ *временными членами*, было затѣмъ, въ 1878 году, *временно* распространено на рядъ дѣлъ по преступленіямъ противъ порядка управленія и окончательно упрочено по отношенію какъ къ этимъ преступленіямъ, такъ и къ нѣкоторымъ другимъ, перечисленнымъ въ 201[1] ст. уст. угол. суд., законами 1889 и 1890 годовъ, коими суду Палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей подчинены также и дѣла о преступленіяхъ должности, влекущихъ за собою лишеніе правъ состоянія (ст. 1105 уст. угол. суд.).

Такимъ образомъ судъ съ сословными представителями имѣетъ за собою, съ 1878 года, богатую опытомъ исторію. Совѣщаніе ваше конечно укажетъ на существенныя стороны этой исторіи. Оно выяснитъ также, по личнымъ наблюденіямъ высшихъ представителей судебнаго вѣдомства въ округахъ, имѣющихъ непосредственное соприкосновеніе съ этою формою суда, соотвѣтствуютъ ли наглядные результаты дѣятельности этого суда тѣмъ цѣлямъ, съ которыми онъ установленъ, и искупаютъ ли они тѣ большія издержки для Государства и ту особую трату рабочихъ силъ и времени для суда и свидѣтелей, съ которыми сопряжены выѣзды судебныхъ палатъ и вообще установленная подсудность имъ всѣхъ особыхъ дѣлъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 201[1] и 1105 уст. угол. суд.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Соображеніе всѣхъ приведенныхъ мною вопросовъ, въ связи съ указаніями практической жизни, должно повлечь, по моему мнѣнію, разрѣшеніе слѣдующихъ кореннныхъ вопросовъ:

I) Слѣдуетъ ли удержать и на будущее время по какимъ либо дѣламъ, кромѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ (по соображеніямъ, принятымъ составителями судебныхъ уставовъ) учрежденіе „временныхъ судей“ въ лицѣ сословныхъ представителей, присоединяемыхъ къ составу судовъ—и какихъ именно судовъ—Окружныхъ или Судебныхъ Палатъ?

II) Представляется ли цѣлесообразнымъ и правильнымъ ввести въ нынѣ существующее учрежденіе суда присяжныхъ начало совмѣстнаго участія коронnаго суда и присяжныхъ засѣдателей въ разрѣшеніи вопросовъ о винѣ и невиновности и вопроса о наказаніи, создавъ нѣчто сходное съ Германскимъ судомъ шёффеновъ, но съ увеличеннымъ объемомъ расширенною подсудностью?

III) Если это видоизмѣненіе суда присяжныхъ представляется нежелательнымъ, то не представляется ли полезнымъ примѣненіе и къ нашему суду этого рода—указаній и правилъ Женевскаго закона 1 октября 1890 года, въ силу коихъ предсѣдатель принимаетъ на себя руководительное участіе въ совѣщаніяхъ присяжныхъ о виновности и подаетъ, вмѣстѣ съ ними, голосъ по вопросу о наказаніи?

IV) Если представляется желательнымъ удержать организацію суда присяжныхъ въ нынѣ существующемъ видѣ, то слѣдуетъ ли: а) установить для засѣдателей новый, повышенный цензъ и б) предоставить сознающемуся въ своей винѣ подсудимому заявлять суду, желаетъ ли онъ, чтобы его дѣло разбиралось съ участіемъ присяжныхъ или же предпочитаетъ, чтобы вопросъ о его отвѣтственности былъ разобранъ судомъ коронnымъ, которому, въ этихъ случаяхъ, должно бы быть предоставлено постановлять приговоры, выходящіе, по размѣру наказанія, изъ предѣловъ его обыкновенной компетенціи.

II.

Наши трехдневныя совѣщанія о судѣ присяжныхъ и о судѣ съ участіемъ сословныхъ представителей окончены. Позвольте подвести имъ краткій итогъ.

По вопросу объ *удовлетворительности дѣятельности присяжныхъ засѣдателей* большинство членовъ совѣщанія (18) пришло къ выводу, что по дѣятельности своей этотъ судъ не только является вполнѣ удовлетворяющимъ своей цѣли, но и вообще представляетъ

собою лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія большей части серьезныхъ дѣлъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости. Въ этомъ отношеніи замѣчательны заявленія двухъ изъ гг. прокуроровъ судебныхъ палатъ о томъ, что такое дѣло, какъ знаменитое дѣло Мельницкихъ (и, прибавлю я отъ себя — такое, какъ дѣло Овсянникова) могло быть рѣшено въ обвинительномъ смыслѣ только присяжными и что по послѣднему дѣлу Мценскаго банка судьи, сомнѣваясь въ томъ, совладаютъ ли присяжные со своею задачею, сами, во время ихъ долгаго совѣщанія, проектировали отвѣты на многочисленные вопросы и таковые вполнѣ совпали затѣмъ съ провозглашенными присяжными. Обвиненіе присяжныхъ въ *малой репрессіи* неосновательно. Оно не только не подтверждается цифровыми данными, но въ дѣйствительности оказывается, что судъ присяжныхъ, при сравненіи съ судомъ коронным*ъ*, *болѣе репрессивенъ* и *устойчивъ*. Въ одномъ изъ судебныхъ округовъ, гдѣ дѣла вѣдаются безъ участія присяжныхъ, даже сложилось хотя и шутливое по формѣ, но однако правдивое по существу указаніе, что Судебная Палата состоитъ изъ двухъ камеръ—*обвинительной* и *оправдательной*, а процентъ оправдательныхъ приговоровъ въ Палатахъ вообще колеблется между 20% и 50%, каковыхъ рѣзкихъ колебаній вовсе не усматривается въ такихъ же приговорахъ присяжныхъ. Оцѣнивая взаимную силу репрессіи въ судѣ присяжномъ и безприсяжномъ, надо имѣть въ виду, что присяжные судятъ наиболѣе тяжкія преступленія, гдѣ зачастую не только для доказательства виновности, но даже для установленія состава преступленія нужны особыя и не всегда успѣшныя усилія со стороны слѣдственной власти, и вовсе не разсматриваютъ дѣлъ о формальныхъ преступленіяхъ, гдѣ и событіе, и виновность никакого вопроса возбуждать не могутъ. Не слѣдуетъ забывать, что на разсмотрѣніе присяжныхъ восходятъ по 511 ст. уст. угол. суд. дѣла частнаго обвиненія, въ коихъ обвиненіе это, вообще слабо и неумѣло поддержанное, очень часто является на судебномъ слѣдствіи вполнѣ неосновательнымъ, причемъ предполагаемый преступникъ, сидящій на скамьѣ подсудимыхъ, часто оказывается самъ жертвою домашняго самодурства или семейной имущественной распри.

Наконецъ *обвинительные* приговоры безприсяжнаго суда, особливо тѣ, которые постановлены въ апелляціонной инстанціи, увеличивая собою цифру, выражающую внѣшнюю силу уголовной репрессіи, въ сущности очень часто этой репрессіи вовсе не содѣйствуютъ, ибо, при затруднительности мотивированнаго оправданія, влекутъ за собою такія

минимальныя, мало ощутимыя наказанія, которыя почти граничатъ съ полною безнаказанностью. *Оправдательные* приговоры присяжныхъ, въ которыхъ всегда почти можно отыскать житейскую правду, расходящуюся съ правдою формальною, стремящеюся втиснуть жизнь въ узкія и устарѣлыя рамки вмѣненія по уложенію о наказаніяхъ, объясняются нерѣдко неумѣніемъ лицъ, ведущихъ дѣло и его разработывающихъ на судѣ, и присутствіемъ въ составѣ присяжныхъ ненадежнаго элемента, въ лицѣ мелкихъ чиновниковъ, или значительнаго числа мелкихъ торгашей. Устраненіе этихъ элементовъ тамъ, гдѣ оно такъ или иначе произошло, всегда влекло за собою уменьшеніе поспѣшныхъ оправданій. По удостовѣренію бывшаго прокурора Виленской Судебной Палаты — дѣятельность присяжныхъ въ сѣверо-западномъ краѣ нынѣ вполнѣ удовлетворительна, и онъ не могъ бы указать ни одного явно неправильнаго оправданія приговоромъ присяжныхъ. Несомнѣнно, что судъ присяжныхъ, какъ и всякій судъ, отражаетъ на себѣ недостатки общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ и изъ нѣдръ котораго онъ исходитъ, но внимательное разсмотрѣніе оправдательныхъ приговоровъ не съ одной лишь внѣшней стороны, а съ знаніемъ обстоятельствъ и обстановки дѣла приводитъ къ признанію того, что, какъ выразился одинъ изъ членовъ совѣщанія, „слово—одно, а совѣсть—другое“, почему оправдательные приговоры тамъ, гдѣ въ дѣлѣ нѣтъ слѣдовъ ни нравственнаго, ни матеріальнаго вреда, не должны быть провозглашаемы, какъ это иногда у насъ дѣлается, „возмутительными“. Простой русскій человѣкъ, поставляющій главный контингентъ присяжныхъ, вноситъ въ свою дѣятельность глубокое религіозное чувство. Оно нерѣдко проявляется и въ оправдательныхъ приговорахъ. Такъ, было указано два случая изъ практики, гдѣ присяжные оправдали подсудимыхъ, послѣднее слово которыхъ и мольбы о прощеніи совпали съ благовѣстомъ ко всенощной подъ Благовѣщеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указано было и на то, что простые присяжные, разрѣшивъ въ Миргородѣ безусловно обвинительнымъ приговоромъ громадное дѣло о разбойничьей шайкѣ изъ 56 человѣкъ, отправились изъ суда въ церковь служить благодарственный молебенъ по поводу благополучнаго окончанія ими своего тяжелаго, многодневнаго труда, направленнаго къ охраненію безопасности цѣлой мѣстности. Проявленіе глубокаго христіанскаго чувства въ присяжныхъ при отправленіи ими своихъ обязанностей есть такое нравственное благо, которое вполнѣ искупаетъ то, во всякомъ случаѣ, небольшое число оправдательныхъ приговоровъ, подсказанныхъ этимъ чувствомъ, хотя и идущихъ въ разрѣзъ съ фор-

мальными требованіями закона. Наконецъ, замѣчено, что даже по преступленіямъ противъ *системы*, гдѣ пѣтъ прямо потерпѣвшихъ, какъ напримѣръ по дѣламъ о паспортныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ оправданія бывали особенно часто, присяжные никогда не оправдывали тѣхъ, кто своею преступною дѣятельностью подводилъ другихъ подъ уголовную отвѣтственность, т. е. поддѣлывателей паспортовъ по 975 и въ особенности по 976 ст. улож. наказ. При этомъ было указано, что многими изъ своихъ оправдательныхъ, систематически повторявшихся приговоровъ присяжные сослужили службу законодательству, указавъ ему на противорѣчіе жизни съ требованіями закона. Такъ было съ паспортами, такъ было съ нѣкоторыми видами кражъ. Такъ дѣлается и теперь по наболѣвшему вопросу о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ. По отношенію къ случаямъ *подкупа присяжныхъ* было высказано, что число ихъ, представляя каплю въ морѣ вполнѣ безупречной дѣятельности этого суда, скорѣе служитъ подтвержденіемъ такого ея характера, тѣмъ болѣе цѣннаго, что большинство сельскихъ присяжныхъ, стоя въ тяжкихъ матеріальныхъ условіяхъ, должны проявлять особую стойкость, чтобы не принять дароваго угощенія и не поддаться его вліянію.

Меньшинство совѣщанія (два лица) не раздѣлили такого взгляда на дѣятельность присяжныхъ. Смотря съ практической точки зрѣнія, одинъ изъ членовъ совѣщанія указывалъ на неумѣлое обращеніе присяжныхъ со слѣдственнымъ матеріаломъ, на стремленіе ихъ вторгаться въ область примѣненія закона, на неоднородность рѣшеній ихъ по однимъ и тѣмъ же преступленіямъ, совершеннымъ почти въ одинаковыхъ по существу обстоятельствахъ, на зависимость этого явленія отъ мѣстности, гдѣ разсматривается дѣло, и отъ разности взглядовъ присяжныхъ того или другаго состава на важность и преступность дѣянія, подходящаго подъ опредѣленія улож. о наказ. Исходя изъ теоретическихъ соображеній, другой членъ совѣщанія, не имѣвшій лично никогда дѣла съ судомъ присяжныхъ, указывалъ на то, что нельзя признать удовлетворительнымъ тотъ судъ, который нуждается въ постоянныхъ разъясненіяхъ, напоминаніяхъ и руководствѣ со стороны предсѣдателя, такъ что его постоянно нужно „водить на помочахъ“, и дѣятельность котораго обставляется многими формальностями процессуальныхъ усложненій, въ видѣ напр. постановки вопросовъ, пріобрѣтающихъ въ немъ гораздо большее значеніе, чѣмъ въ судѣ безприсяжномъ.

По поводу указаній на неоднородность приговоровъ присяжныхъ, нѣкоторыми изъ членовъ большинства замѣчено, что безусловно одинаковыхъ дѣлъ не бываетъ и что разность взглядовъ бываетъ и у суда

коронnаго, но она менѣе замѣтна, ибо выражается обыкновенно въ опредѣленіяхъ обвинительныхъ камеръ, у которыхъ въ разное время и при разномъ личномъ составѣ создаются разные взгляды на нѣкоторыя, преимущественно бытовыя преступленія—и это не недостатокъ, а достоинство суда, который не есть слѣпой механизмъ.

Въ общемъ, однако, общій выводъ безусловно на пользу присяжныхъ. Судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія, долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу, какъ къ дѣлу служенія совѣсти, кладущій, по замѣчанію В. А. Аристова, призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, *за образа*,—честно и стойко выпесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель. Выходя на минуту изъ роли простаго руководителя совѣщанія, я позволю себѣ, на основаніи долголѣтняго моего судебнаго служенія на разныхъ ступеняхъ судебной лѣстницы, вполнѣ и всецѣло присоединиться къ мнѣнію большинства и считаю необходимымъ при этомъ припомнить заявленія двухъ Прокуроровъ Палатъ, изъ которыхъ у одного разсѣялись всѣ сомнѣнія въ высокой пригодности суда присяжныхъ послѣ долголѣтняго знакомства со свойствомъ работы безприсяжнаго суда, а другому вспомнилось здѣсь то чувство нравственнаго удовлетворенія, которое, въ своей практической дѣятельности, онъ выносилъ изъ приговоровъ присяжныхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ продуктъ совѣстливаго и внимательнаго отношенія къ дѣлу съ точки зрѣнія жизненной правды, даже и тогда, когда приговоры эти бывали несогласны съ предъявленнымъ обвиненіемъ.

Къ этому надо еще добавить, что къ практической дѣятельности присяжныхъ можно, не становясь на почву мимолетныхъ и часто дурно освѣдомленныхъ печатныхъ отзывовъ, относиться трояко: снизу, сверху и сбоку. *Снизу*—это отношеніе подсудимаго, который въ глубинѣ души лучше всѣхъ сознаетъ конечно, *гдѣ* и въ *чемъ* правда состоявшагося о немъ рѣшенія; *сверху*—это отношеніе судебныхъ чиновъ, дѣйствующихъ совмѣстно съ этимъ судомъ; *сбоку*—это отношеніе тѣхъ, кто примыкалъ къ присяжнымъ какъ участникъ, какъ сотрудникъ въ одной общей работѣ ума и совѣсти. Мы знакомы съ отношеніемъ къ суду присяжныхъ подавляющаго большинства высшихъ представителей судебныхъ округовъ. Но мы выслушали и заявленіе лица, неоднократно отбывавшаго обязанности засѣдателя и бывавшаго много разъ старшиною. На мою просьбу высказать свой взглядъ на

присяжныхъ, предсѣдатель III отдѣла Коммиссіи, Сенаторъ Н. С. Таганцевъ, заявилъ, что время, проведенное имъ въ средѣ присяжныхъ засѣдателей, составляетъ одно изъ лучшихъ воспоминаній его судебной жизни.

По вопросу *о составѣ присяжныхъ засѣдателей* совѣщаніе единогласно высказалось за установленіе участія лицъ судебнаго вѣдомства въ составленіи и провѣркѣ *общихъ списковъ* засѣдателей по 89 и 91 ст. учр. суд. уст.,—за привлеченіе къ участію въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей изъ поименованныхъ во 2 п. 85 ст. того же учрежденія тѣхъ, кои занимаютъ должности IV и III классовъ;—за принятіе мѣръ къ воспрепятствованію должностнымъ лицамъ уклоняться отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей путемъ предварительнаго и заблаговременнаго извѣщенія начальства о внесенныхъ на основаніи 98 и 99 ст. у. сл. въ очередные списки чиновникахъ и требованія точнаго обозначенія предмета и срока указанныхъ въ 1 п. 650 ст. уст. угол. суд., командировокъ и особыхъ порученій по службѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указано на необходимость усиленія штрафовъ за неявку, съ предоставленіемъ суду слагать таковые по силѣ 653 ст. уст. угол. суд., но съ уничтоженіемъ права обжалованія постановленій суда о наложеніи штрафа, причемъ долженъ быть въ ст. 651 установленъ срокъ, въ теченіе коего примѣняется эта статья, ибо если считать неявкой по вызову—неявку на сессію, то примѣненіе третьей части этой статьи—объ отвѣтственности по уложенію—никогда не можетъ имѣть мѣста Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется необходимымъ, чтобы прокурорскій надзоръ серьезно вступилъ въ борьбу съ лживыми и фиктивными медицинскими свидѣтельствами о болѣзни, возбуждая во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обвиненіе по 364 ст. улож. наказ.

При условіи фактическаго осуществленія всѣхъ этихъ указаній, *повышеніе ценза* для присяжныхъ представляется излишнимъ, причемъ нѣкоторыми было даже высказано, что требованіе 3 п. 81 ст. учр. суд. уст. объ обязательности для каждаго присяжнаго умѣть читать порусски является ненужнымъ, такъ какъ между присяжными, чему и были представлены примѣры, часто встрѣчаются почти неграмотныя лица, умѣющія и то съ трудомъ читать лишь „по печатному“, но здравый смыслъ ихъ, способность пониманія и врожденное чувство законности дѣлаютъ ихъ присутствіе въ составѣ присяжныхъ чрезвычайно цѣннымъ для правильнаго отправленія правосудія. Улучшеніе состава присяжныхъ было бы существеннымъ образомъ достигнуто исключеніемъ изъ ихъ числа мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ, получающихъ, согласно закону, содержаніе „по трудамъ и

заслугамъ“ и представляющихъ ненадежный нравственно, неразвитый и въ тоже время тенденціозный элементъ въ составѣ присяжныхъ. Это признано единогласно, но голоса очень раздѣлились по отношенію къ мелкимъ торговцамъ, причемъ всѣми признано однако необходимымъ недопущеніе въ составъ присяжныхъ засѣдателей содержателей и арендаторовъ питейныхъ заведеній.

Относительно *матеріальнаго обезпеченія* присяжныхъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, были приведены указанія, что и нынѣ нѣкоторыя земства, побуждаемыя насущною необходимостью, оказываютъ пособіе присяжнымъ подъ видомъ расходовъ на благотворительность и что рѣшеніе Сената, лишившее въ 1872 году земство права прямо и нелицемѣрно облегчать нужду присяжныхъ, идетъ въ разрѣзъ съ намѣреніями составителей судебныхъ уставовъ, которые, какъ напомнилъ предсѣдатель II отдѣла Коммисіи, Сенаторъ Н. Н. Шрейберъ, признавая, что присяжные засѣдатели должны получать вознагражденіе изъ земскихъ сборовъ, лишь потому не ввели правила о порядкѣ опредѣленія сего вознагражденія въ учрежденіе судебныхъ установленій, что приведеніе ихъ въ дѣйствіе относится къ предмету вѣдомства губернскихъ земскихъ собраній. Поэтому совѣщаніе единогласно признало настоятельную необходимость въ осуществленіи этой благой для достоинства отправленія правосудія первоначальной мысли законодателя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ многими были высказаны желанія—*во первыхъ*, чтобы пребываніе присяжныхъ въ зданіи суда,—условія котораго по мнѣнію всѣхъ членовъ совѣщанія должны быть безусловно предоставлены усмотрѣнію предсѣдателя, не стѣсняемому никакою предварительною регламентаціею,—было по возможности обставлено лучше, чѣмъ теперь;—*во вторыхъ*, чтобы продолжительность сессій была сокращена,—и *въ третьихъ*, чтобы лица, избранныя въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, пріобрѣтали тѣмъ самымъ право на освобожденіе отъ унизительнаго и несовмѣстнаго съ достоинствомъ лица, призваннаго къ судейской дѣятельности, тѣлеснаго наказанія

По вопросу *о подсудности* дѣлъ суду присяжныхъ засѣдателей *большинство* совѣщанія (14 лицъ) высказалось противъ всякаго дальнѣйшаго ея ограниченія, причемъ часть этого большинства (5 лицъ) находили, что подсудность эту слѣдовало бы, противъ существующей, значительно расширить. *Меньшинство* (6 лицъ) высказалось за уменьшеніе подсудности въ разныхъ видахъ. Такъ одно лицо находило, что у присяжныхъ должны быть изъяты всѣ дѣла о подсудимыхъ непри-

вилегированныхъ сословій, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ по 31 ст. улож. наказ. лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, не смотря даже на послѣдствія по 48 ст. уложенія—и о всѣхъ обвиняемыхъ въ третьей кражѣ; два лица—за изъятіе дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ, на коихъ, вопреки мнѣнію большинства, оправданіе ихъ присяжными имѣетъ пагубное нравственное вліяніе; одно лицо за изъятіе дѣлъ о лишенныхъ уже особыхъ правъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ такое же пораженіе правъ,—и два лица за предоставленіе подсудимому, сознавшемуся при предварительномъ слѣдствіи, судиться безъ участія присяжныхъ, если онъ самъ заявитъ суду о такомъ своемъ желаніи.

Установленіе права сторонъ и предсѣдателя оглашать предъ присяжными свѣдѣнія о *грозящемъ подсудимому по закону наказаніи* было признано огромнымъ большинствомъ (19 голосами противъ 1) въ высокой степени желательнымъ, такъ какъ по выраженію одного изъ членовъ совѣщанія это устранило бы вредную для судебнаго прямодушія „игру въ прятки“. Точно также и по отношенію къ *различнымъ формальностямъ* при производствѣ судебнаго слѣдствія совѣщаніемъ было найдено полезнымъ, при будущемъ начертаніи правилъ уголовнаго процесса, „снять покровъ тайны“ со всего того, что, будучи оглашено предъ присяжными, можетъ быть затѣмъ провѣрено на судѣ установленными закономъ способами. Поэтому желательно предоставить сторонамъ дѣлать ссылки на протоколы, упоминаемые въ 687 ст. уст. угол. суд. при соблюденіи притомъ условій, о которыхъ я упоминалъ во вступительномъ моемъ сообщеніи. Но по вопросу о передачѣ присяжнымъ въ совѣщательную комнату плановъ и документовъ изъ дѣла, четыре лица высказались отрицательно, признавая таковую опасною, въ виду возможности лжетолкованій значенія плановъ и другихъ вещественныхъ доказательствъ, не могущихъ тотчасъ же быть опровергнутыми. Затѣмъ совѣщаніе пошло дальше рѣшенія Прав. Сената по дѣлу Никитина, рѣшивъ большинствомъ 14 голосовъ противъ 6, что слѣдуетъ допустить и прочтеніе показаній подсудимаго, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, въ случаѣ несогласія ихъ съ даваемыми имъ на судѣ объясненіями,—что, по мнѣнію шести лицъ, шло бы въ разрѣзъ съ принятымъ въ нашемъ уголовномъ процессѣ началомъ о правѣ подсудимаго не давать никакихъ объясненій (ст. 685 уст. угол. суд.).

По вопросу о примѣненіи германскаго порядка объ *одномъ составѣ присяжныхъ для нѣсколькихъ дѣлъ*, подлежащихъ слушанію въ одинъ и тотъ же день, мнѣнія раздѣлились поровну, причемъ половина членовъ совѣщанія признавала этотъ порядокъ нецѣлесообразнымъ по

сопряженнымъ съ нимъ неудобствамъ и въ виду возможности недоразумѣній относительно пользованія сторонами правомъ отвода.

Постановка вопросовъ, установленная нынѣ ст. 750—764 уст. угол. суд. представляется совѣщанію не требующею какихъ либо измѣненій по существу, но нуждающеюся лишь въ нѣкоторомъ упрощеніи. Желательно вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы о правѣ присяжныхъ участвовать въ постановкѣ вопросовъ согласно ст. 762 уст. угол. суд. было напоминаемо имъ при самомъ чтеніи вопросовъ вслухъ, а не только при объясненіи имъ, на осн. 671 ст. уст. угол. суд., ихъ правъ и обязанностей,—и чтобы старшинѣ присяжныхъ, тотчасъ по его избраніи, вручалась выписка изъ заключительнаго пункта обвинительнаго акта, дабы онъ, и чрезъ него остальные присяжные, постоянно имѣли предъ глазами указаніе на сущность обвиненія, взводимаго на подсудимаго. Руководящее напутствіе председателя должно остаться на своемъ настоящемъ мѣстѣ. За открытую подачу голосовъ присяжными высказались три лица.

Наконецъ вопросъ *о примѣненіи 818 ст. уст. угол. суд. наоборотъ*, т. е. о распространеніи порядка, начертаннаго въ ней, и на оправдательные приговоры присяжныхъ разрѣшенъ значительнымъ большинствомъ (18 голосовъ противъ двухъ) *отрицательно*. Я долженъ къ этому, въ видѣ справки и для выясненія мотивовъ этого большинства, присовокупить, что точно такъ же рѣшенъ этотъ вопросъ и уголовнымъ касс. департаментомъ, при обсужденіи предположеній о предоставленіи судамъ права ходатайствовать предъ Сенатомъ о передачѣ другому составу присяжныхъ дѣлъ, по которымъ оправданы виновные, по единогласному мнѣнію суда, подсудимые. При разсмотрѣніи этого вопроса въ Правительствующемъ Сенатѣ я имѣлъ честь, въ качествѣ Оберъ-Прокурора, высказать, что, установляя судъ присяжныхъ на ряду съ коллегіею коронныхъ судей и возлагая на первыхъ разрѣшеніе не только вопроса о совершеніи преступленія обвиняемымъ, но и вопроса о его виновности, законъ строго разграничилъ дѣятельность тѣхъ и другихъ, допустивъ лишь одно, обставленное исключительными условіями и притомъ только въ пользу, а не во вредъ подсудимому, отступленіе въ ст. 818 уст. угол. суд. Примѣненіе этой статьи въ обратномъ смыслѣ, замѣняя внутреннее убѣжденіе присяжныхъ убѣжденіемъ судей, которое нуждается во внѣшней мотивировкѣ, было бы въ сущности, въ весьма большомъ количествѣ дѣлъ, замѣною суда представителей общественной совѣсти судомъ профессіональныхъ юристовъ, задача коихъ только понапрасну усложняется прибавкою этихъ представителей. Для коллегіи профессіональныхъ судей въ большинствѣ дѣлъ найдутся данныя, предустановляющія виновность подсудимаго. Таково напримѣръ и главнымъ образомъ

собственное сознаніе подсудимаго, не опровергаемое обстоятельствами дѣла. Во всѣхъ случаяхъ подобнаго сознанія увѣренность судей въ виновности подсудимаго должна неминуемо побудить ихъ къ признанію оправдательнаго приговора присяжныхъ явно неправильнымъ и къ передачѣ дѣла другому ихъ составу. Но среднее число сознавшихся въ своей винѣ подсудимыхъ на все число обвиняемыхъ составляетъ за послѣдніе годы около 35% — 36%. Такъ напримѣръ въ 1887 году на 39000 подсудимыхъ было 14000 сознавшихся, при 19000 оправдательныхъ приговоровъ. Послѣдніе, какъ указываетъ практика, далеко не обнимаютъ собою только несознавшихся подсудимыхъ,—и можно почти съ достовѣрностью утверждать, что не менѣе половины всего числа сознавшихся были оправданы по тѣмъ соображеніямъ, относящимся до ихъ личности, свойствъ и послѣдствій дѣянія, условій его совершенія и т. д., благодаря коимъ на судѣ по внутреннему убѣжденію совѣсти слова „совершилъ“ и „виновенъ“ вовсе не являются синонимами. Но если бы даже къ числу оправданныхъ отнести не половину вышеупомянутаго числа сознавшихся обвиняемыхъ, т. е. 7000, а лишь одну четверть, то и тогда коронный судъ въ трехъ съ половиною тысячахъ случаевъ оказался бы лицомъ къ лицу съ такимъ обстоятельствомъ, которое обязывало бы его постановлять о передачѣ дѣла другому составу присяжныхъ. Съ внѣшней, формальной стороны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ оправданія сознавшагося подсудимаго, особливо при утвердительномъ отвѣтѣ присяжныхъ на вопросъ о событіи преступленія, выдѣленный по требованію гражданскаго истца, *непередача* судомъ дѣла другому составу присяжныхъ означала бы признаніе со стороны суда того, что преданіе суду, основанное на собственномъ сознаніи обвиняемаго, и самое это сознаніе, подтвержденное затѣмъ при судебномъ разбирательствѣ—не имѣютъ никакого значенія. Но такое признаніе со стороны суда профессіональныхъ юристовъ, обязанныхъ мотивировать свое мнѣніе, едва ли мыслимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ передача каждаго такого дѣла новому составу присяжныхъ представится весьма удобною для судей. Поддерживая солидарность между ними и Судебною Палатою по обвинительной камерѣ и основываясь на простомъ внѣшнемъ пріемѣ, состоящемъ въ сопоставленіи преданія суду и собственнаго сознанія съ послѣдовавшимъ затѣмъ приговоромъ, передача такого рода освободитъ судей отъ опасенія пареканій за то, что, въ интересахъ порядка, они не воспользовались своимъ правомъ передачи. Указаніе именно на эти интересы и на нравственную отвѣтственность, несомую судьями, не желающими противодѣйствовать „неправосудію“, по-

служитъ могущественнымъ средствомъ для образованія въ средѣ судей единогласія, а вышеупомянутый внѣшній пріемъ сопоставленія вызоветъ весьма простую, неотяготительную и однообразную формулу мотивировки передачи дѣла другому составу, безъ всякаго,—всегда впрочемъ гадательнаго—анализа соображеній присяжныхъ, положенныхъ ими въ основаніе оправданія. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что составъ присяжныхъ засѣдателей при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла будетъ всегда находиться подъ болѣе или менѣе сильнымъ давленіемъ состоявшагося постановленія о передачѣ, о коемъ они могутъ быть освѣдомлены разнообразными и неотвратимыми способами. Имѣя предъ собою опредѣленіе того же суда о томъ, что подсудимый „несомнѣнно виновенъ“,—присяжные засѣдатели приступятъ къ разсмотрѣнію дѣла безъ надлежащей свободы мышленія, причемъ столь важное для правосудія требованіе закона, какъ вмѣненіе предсѣдателю въ обязанность не обнаруживать своего мнѣнія о винѣ и невиновности подсудимаго (уст. угол. суд. ст. 804), обратится въ лишенную всякаго значенія и даже лицемѣрную формальность. Такимъ образомъ преданіе суду по значительному числу дѣлъ станетъ равносильнымъ осужденію подсудимаго—и судъ присяжныхъ обратится въ этихъ случаяхъ въ простое орудіе суда короннаго, неудобное по своей сложности, излишнее по своей задачѣ и безплодно отяготительное для мѣстнаго населенія, призываемаго къ участію въ немъ. Эти соображенія мои были всецѣло раздѣлены уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ

Обращаясь къ *суду съ участіемъ сословныхъ представителей*, совѣщаніе высказалось объ общихъ свойствахъ этого суда въ настоящее время. Свойства эти не могутъ быть признаны отрадными и во многихъ отношеніяхъ идутъ въ разрѣзъ съ тѣми требованіями, которымъ долженъ удовлетворять правильно устроенный судъ. Такъ, прежде всего, пріобщаемые къ составу Палатъ „временные члены“ почти никогда не вносятъ въ дѣло самостоятельныхъ взглядовъ и сужденій. Въ многолѣтней практикѣ бывшаго Старшаго Предсѣдателя Кіевской, а нынѣ Московской Судебной Палаты—на массу дѣлъ съ участіемъ сословныхъ представителей пришлось лишь одно дѣло, въ которомъ эти представители образовали, стойкою защитою и единствомъ своихъ мнѣній, большинство. По заявленію Старшаго Предсѣдателя одной изъ другихъ Палатъ, „временные члены“ относятся весьма пассивно къ своимъ обязанностямъ и во всякомъ случаѣ не вносятъ въ обсужденіе дѣла той строгости, въ расчетѣ на которую была создана подсудность по 201[1] и 1105 ст. уст. угол. суд. Напримѣръ, по дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ, обыкновенно, по входѣ въ со-

вѣщательную комнату для рѣшенія дѣла,—представители дворянства справляются о томъ, какое самое малое наказаніе за судимое преступленіе и съ размѣромъ его сообразуютъ и выводъ свой о виновности,—представители города спрашиваютъ у предсѣдателя—нельзя ли оправдать подсудимаго? волостные старшины же на вопросъ о ихъ мнѣніи обращаются въ свою очередь къ предсѣдателю съ вопросомъ „какъ прикажете?“ По этому, въ сущности, дѣло рѣшаютъ коронные судьи, присутствіе которыхъ вызываетъ во временныхъ членахъ равнодушное отношеніе къ подаваемому мнѣнію, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ оно упорно тенденціозное и слѣдовательно неправосудное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываетъ практика Палатъ (подтверждаемая и кассаціонными рѣшеніями) *надлежащіе* сословные представители отъ дворянства и городовъ всемѣрно уклоняются отъ исполненія своихъ судебныхъ обязанностей, замѣняя себя, въ порядкѣ обратной постепенности, совершенно неподходящими лицами, въ родѣ секретарей дворянскихъ депутатскихъ собраній и членовъ городскихъ управленій по надзору за торговлею и т. п.—Между тѣмъ участіе сословныхъ представителей дѣлаетъ этотъ судъ чрезвычайно громоздкимъ, неудобнымъ для сторонъ и свидѣтелей и очень дорого стоющимъ. Въ послѣднемъ отношеніи были указаны примѣры, гдѣ по одному изъ дѣлъ подсудныхъ этому суду, въ Казанскомъ округѣ, судебныя издержки дошли до 1600 руб. сер., а по другому, въ Московскомъ округѣ, даже до 6000 руб. сер.—Хотя и были, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказаны мнѣнія, что сословные представители, при болѣе самостоятельномъ отношеніи къ дѣлу, могли бы принести свою долю пользы, сообщая цѣнныя для судей мѣстныя и бытовыя свѣдѣнія, — но большинство признало, что этою гадательною пользою не искупаются приведенные выше недостатки, вызываемые ст. 201[1] и 1105 уст. угол. суд.

Переходя къ вытекающему изъ такого вывода вопросу о томъ, чѣмъ же возможно было бы замѣнить такой судъ, члены совѣщанія раздѣлились во взглядахъ. *Шесть лицъ* нашли, что сословные представители могли бы, съ пользою для правильнаго отправленія правосудія по особымъ дѣламъ, предусмотрѣннымъ только что упомянутыми статьями уст. угол. суд., быть замѣнены *спеціальными присяжными засѣдателями*, исполняющими всѣ обязанности обыкновенныхъ засѣдателей, но засѣдающими въ уменьшенномъ количествѣ—до 9-ти и даже до 6-ти и съ повышеннымъ имущественнымъ, образовательнымъ и профессіональнымъ цензомъ.—*Восемь лицъ*, находя затруднительнымъ найти достаточное число такихъ спеціальныхъ присяжныхъ и опасаясь, что возможность такого состава лишь въ губернскихъ городахъ приведетъ

къ сосредоточенію въ нихъ всѣхъ особыхъ дѣлъ въ ущербъ населенію, полагали болѣе цѣлесообразнымъ прямо передать всѣ эти дѣла окружнымъ судамъ безъ участія присяжныхъ въ нѣсколько усиленномъ, быть можетъ, составѣ,—на случай, если бы апелляціонная инстанція была упразднена. *Два лица*, со своей стороны, находили возможнымъ вновь передать всѣ эти дѣла обыкновеннымъ присяжнымъ, возрастающая за послѣднее время репрессія приговоровъ коихъ служитъ, повидимому, ручательствомъ, что и по этимъ дѣламъ рѣшенія присяжныхъ будутъ отличаться надлежащею и справедливою строгостью. Затѣмъ *два лица* высказались за учрежденіе по особымъ дѣламъ (201[1] и 1105 уст. угол. суд.) новой формы суда—въ видѣ засѣдателей отъ сословій, избираемыхъ изъ лицъ, обладающихъ высокимъ цензомъ, самими сословіями и входящими, по мнѣнію одного лица, въ составъ Судебной Палаты въ числѣ трехъ,—а по мнѣнію другаго, въ составъ Окружнаго Суда въ числѣ отъ 4 до 6-ти.

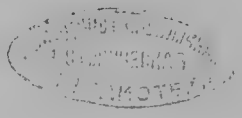
Наконецъ *два лица* высказали по отношенію къ организаціи суда присяжныхъ такія предположенія, которыя, по существу своему, устраняютъ и самый вопросъ о выдѣленіи какихъ либо дѣлъ изъ общей подсудности присяжныхъ засѣдателей. Однимъ изъ нихъ предложено соединеніе суда общественныхъ представителей (присяжныхъ засѣдателей) съ судомъ коронным безъ раздѣленій ихъ главнѣйшихъ функцій, а напротивъ со сліяніемъ ихъ въ одной общей работѣ, подобно тому, какъ это изложено въ проектѣ Гальперта для Женевскаго кантона. При такомъ соединеніи предполагается, что присяжные внесутъ независимость сужденія, непосредственность живаго воспріятія впечатлѣній и пониманіе житейской стороны дѣла, а судьи, находящіеся въ меньшинствѣ, не подавляя ихъ своими голосами, внесутъ чувство законности и юридическій опытъ. Такой судъ долженъ бы состоять изъ трехъ коронныхъ судей и девяти присяжныхъ засѣдателей, составляющихъ одну коллегію и рѣшающихъ сообща вопросы о винѣ и о наказаніи, причемъ вопросы процессуальнаго свойства разрѣшаются однимъ лишь коронным судомъ. Эта смѣшанная коллегія, по условіямъ своей дѣятельности, устранила бы необходимость руководящаго напутствія и примѣненія 818 ст. уст. угол. суд. и, конечно, была бы компетентна для разрѣшенія всякаго рода дѣлъ, нынѣ изъятыхъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей, сверхъ дѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ.—Другое изъ лицъ, примыкающихъ къ такому взгляду на организацію суда присяжныхъ и находящее, что судъ этотъ долженъ состоять изъ одного судьи и шести присяжныхъ, предложило обязать предсѣдателя суда участвовать въ разрѣшеніи присяжными вопроса о

виновности и о размѣрѣ наказанія съ правомъ рѣшительнаго голоса, съ тѣмъ, чтобы процессуальные вопросы, возникающіе по дѣлу, разрѣшались исключительно судомъ коронным̀ъ единолично или коллегіально.

Примѣненіе *Женевскаго закона 1890 года*, о совѣщательномъ участіи предсѣдателя при обсужденіи присяжными вопроса о виновности подсудимаго и объ участіи присяжныхъ въ назначеніи наказанія, отвергнуто совѣщаніемъ большинствомъ 19 голосовъ противъ одного, причемъ однако нѣкоторыми высказана мысль о необходимости предоставить присяжнымъ право, въ случаѣ встрѣченныхъ ими затрудненій при разрѣшеніи дѣла, приглашать къ себѣ въ совѣщательную комнату для помощи и разъясненій предсѣдателя суда.

Наконецъ, прокуроры безприсяжныхъ округовъ высказали—Варшавскій, что лавники гминныхъ судовъ, подобные шёффенамъ германскаго права оказываются довольно несостоятельными для судейской дѣятельности и что введеніе суда присяжныхъ и въ Царствѣ Польскомъ представляется желательнымъ,—и Тифлисскій, что на Сѣверномъ Кавказѣ возможно было бы, съ пользою для дѣла правосудія, допустить участіе въ судѣ общественнаго элемента во всякомъ видѣ съ нѣкоторыми лишь условіями въ виду примѣси къ русскому населенію инородческаго элемента.

Таковы выводы, къ коимъ пришло совѣщаніе по главнѣйшимъ изъ подлежавшихъ его обсужденію вопросовъ. Мнѣ остается просить снисхожденія за невольныя, быть можетъ, упущенія въ моемъ сжатомъ изложеніи этихъ выводовъ. Мнѣ не приходится его просить за сложность и разнообразіе вопросовъ, вызвавшихъ напряженный трехдневный трудъ вашъ, Милостивые Государи, ибо глубокая важность предмета, занимавшаго насъ эти дни, для дѣла правосудія въ отечествѣ нашемъ—служитъ мнѣ достаточнымъ оправданіемъ.



КОНСЕРВАЦИЯ
2.09.05